

Ева Евдокимова: «Уланова сказала, что я надежда мирового балета»

Как иностранная балерина помещала советскому министру культуры

Майя Крылова

Американке **Еве Евдокимовой**, одной из лучших балерин мира второй половины XX века, довелось вписать небольшую, но эффектную страничку в драму (в данном случае скорее — трагикомедию) советской культуры на Первом московском международном конкурсе артистов балета в 1969 году. Тогда вопрос о премиях рассматривался как задача государственной важности. Сегодня выдающаяся балерина-ассолюта (у Евдокимовой есть этот высший титул «звезды») уже не танцует — играет в драматическом театре Нью-Йорка, пишет мемуары, преподает в Японии и Европе. За последнее время Евдокимова дважды приезжала в Москву — как член жюри «Бенуа де ла данс» и как лауреат премии, вручаемой Фондом Галины Улановой.

Почему вы решили участвовать в московском конкурсе?

— Никто не организовывал мою поездку в СССР, я сама решила поехать. В детстве я видела гастроль ваших танцовщиков, это открыло мне

глаза на балет. В то время стили танца в разных странах сильно отличались, огромная разница была между Кировским балетом и Большим театром. Я захотела учиться в Ленинграде, в знаменитой хореографической школе Вагановой, изучала русский язык. Мы с мамой много и безуспешно ходили в советское посольство. Мой отец — болгарин-эмигрант, мама — американка, и для меня, гражданки США, учеба в балетной школе СССР оказалась невозможной. Я окончила балетную школу в Лондоне и ко времени московского конкурса работала в Датском королевском балете. Ни на какую награду в Москве не рассчитывала, вообще боялась ужасно, хотя за год до того участвовала в молодежной группе конкурса в Варне, где получила вторую премию.

— Вы тогда знали, что с первого московского тура стали любимицей публики, народ прочил вам Золотую медаль?

— У входа в гостиницу, когда мы выходили из автобусов, многие подходили ко мне, говорили комплименты, дарили цветы, значки. Но наши разговоры со зрителями ограничивали. Иностранцы участники конкурса вообще должны были запастись терпением. В отеле «Россия», где мы жили, даже

Эмоциональный жест Евы Евдокимовой.

Фото Артема Житенева (НГ-фото).

поесть было трудно: кормили невкусно, да еще не хотели обслуживать, приходилось долго ждать.

— Когда на церемонии награждения объявили о присуждении вам только почетного диплома, началось

что-то невообразимое: публика восстала против очевидной несправедливости. Такой овации сцена Большого, кажется, еще не видела. По внутреннему радио попросили прекратить хлопотать, но это не помогло.

— Да, министру культуры мадам Фурцевой, которая награждала лауреатов, зрители пятнадцать минут не давали продолжить. Я была очень смущена.

— Жюри велели показать преимущество наших танцовщиков. Вы тогда не обиделись?

— Что вы, абсолютно нет! Председатель жюри Галина Уланова меня очень обласкала, сказала, что я надежда и будущее мирового балета и что я должна приехать на конкурс в Варну через год, уже по старшей группе. Недавно Владимир Васильев рассказал моему мужу, что Галина Сергеевна при давлении властей обычно была очень дипломатична и не делала резких движений. Но за меня в Москве сражалась, как могла. Уланова в Варне тоже возглавляла жюри. Я получила Золотую медаль.

— От вашего танца впечатление, что вы сошли с изображений на старинных гравюрах. Там знаменитые танцовщицы прошлого изображены воздушными девами,

гуляющими по чашечкам цветков...

— Балерины на литографиях XIX века словно летают по воздуху, я хотела танцевать так же. Спектакли романтического репертуара, «Сильфида» или «Жизель», идут по всему миру. С ними легко сделать карьеру: не надо долго репетировать в незнакомой труппе, тем более что я часто приезжала со своим партнером. Но я много

балетной школе. И даже мечтать не могла, что буду танцевать с ним. Но однажды импресарио Рудольфа попросил меня принять участие в его мировом турне с маленькой труппой, собранной летом на сезонные гастрели. Рудольф на сцене поража́л, он был помещан на танце и заражал своей энергией всех участников спектакля. Нуреев не жаловал такие па-де-де, в которых нуж-

а от «Аполлона» Годунов отказался. Это была прекрасная возможность изучить новый репертуар! А он не захотел. Мы вместе ездили в турне по Южной Америке, Годунов все время звонил в Россию, бывшей жене, по которой очень скучал. Потом он стал интересоваться работой в кино и почти ушел из балета. Я слышала, он много пил. Годунов все время искал жизненную

В отеле «Россия» кормили невкусно, да еще не хотели обслуживать, приходилось долго ждать

танцевала и Баланчина, «Кармен», «Фрекен Юлию» по пьесе Стриндберга, «Идиот» (я была Настасьей Филипповной, Рудольф Нуреев — князем Мышкиным). С Нуреевым танцевала «Петрушку», «Видение розы», «Спящую красавицу», «Ромео и Джульетту». Мне нравится разный танец.

— Вы пятнадцать лет были партнершей Нуреева, выступали с Александром Годуновым. Что вспоминается?

— Когда Нуреев впервые появился в Англии, я училась в

но много поднимать партнершу или вертеть ее за талию. Любил, когда балерина сама себе помогает и крепко стоит на ногах, а не ждет, что партнер ее подкрутит и подправит.

С Годуновым я встрети́лась, когда работала в Немецкой Опере в Западном Берлине. Мой директор узнал, что в Американском балетном театре, где тогда танцевал Годунов, артисты кордебалета объявили забастовку, и предложил Годунову выступить в Берлине. Саша приехал, мы станцевали «Лебединое озеро», «Жизель»,

нишу на Западе, но, по-моему, он был там несчастлив.

— Что вы скажете о сегодняшних исполнителях классики?

— Я не люблю, когда в танце излишний акцент на физическом. Сегодня многие ничего не выражают или выражают неправильно. Феи в «Спящей красавице» должны казаться волшебными существами, а не уличными девчонками двадцать первого века. Меня пугает будущее классического балета. Из него уходит актерский талант. ■